

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)52
DOI 10.18522/1995-0640-2024-3-145-155

ГЕНИЙ И ТОЛПА В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ТРАГИЧНОСТЬ РОМАНТИЗМА

Анна Владимировна Кузнецова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Рассматривается одна из ключевых оппозиций в лирике М. Ю. Лермонтова – *гений – толпа*, которая приобретает в соответствии с эстетическими принципами романтизма, наследуемыми от йенских романтиков, трагические черты. Лирический герой, в ранней лирике аутопсихологичный, мыслится поэтом как гений, обреченный на одиночество, непонимание, в зрелый период достигает в своей поэтической эволюции апогея, когда в стихотворении «Пророк» Лермонтов приводит его к отказу от общения с толпой, к служению мирозданию вне общения с человечеством, так и не понявшим гения.

Ключевые слова: *лирика, лирический герой, мотив, оппозиция, гений, гениальность, романтизм, М. Ю. Лермонтов*

Для цитирования: *Кузнецова А. В. Гений и толпа в лирике М. Ю. Лермонтова: трагичность романтизма // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 145–155.*

Original article

GENIUS AND THE CROWD IN LYRICS BY M.YU. LERMONTOV: THE TRAGEDY OF ROMANTICISM

Anna V. Kuznetsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the one of the key oppositions in the lyrics of M.Yu. Lermontov – *Genius vs. crowd* that acquires tragic features from the poet. In understanding the Genius and his conflict with the crowd, M.Yu. Lermontov follows the main principles of romanticism: the romantic hero is an introvert, contrasting his inner world with the external and, accordingly, “general opinion”; the inner self of a romantic hero feels such a moral and psychological influence from higher authorities that the hero feels like their “guide”; the romantic hero is an ambivalent personality: he embodies both the rights of truth, goodness and beauty trampled in the outside world, and the demonic elements are dangerous for everything around such a hero. One of the determining factors in the development of Lermontov’s lyrics is the understanding of the signs of genius, its nature, while the demonic principle, evil, tends to become a constant in the characteristics of the Genius. One of the options for the opposition Genius vs. crowd in Lermontov’s lyrics is the opposition Genius vs. beau monde, while it intensifies in poetic evolution, reaching its culmination in the poem “The Death of a Poet.” The tragedy of a romantic personality lies in his passionate desire for good, but such a hero does not consider either the final victory of good in the world or the rights of good to be guaranteed, because such guarantees do not exist either in the objective laws of the external world or in human subjectivity. The lyrical hero, autopsychological in early lyrics, is thought of by the poet as a Genius, doomed to loneliness and misunderstanding; in his mature period he reaches his apogee in his poetic evolution, when in the poem “The

Prophet” Lermontov leads him to refuse communication with the crowd, to serve the universe without communication with humanity, which has never understood the Genius.

Key words: *lyrics, lyrical hero, motive, opposition, Genius, ingenuity, romanticism, M.Yu. Lermontov*

For citation: *Kuznetsova A. V. Genius and the crowd in lyrics by M.Yu. Lermontov: the tragedy of romanticism // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 3. P. 145–155.*

Введение

15 октября 2024 г. исполнится 210 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова – бесспорно, самого яркого представителя русского романтизма, блестяще соединившего в своем творчестве отточенность и глубину философской мысли, мировоззренческую позицию, отражающую весь спектр размышлений о настоящем и будущем России, и глубокий трагизм бытия. Лермонтов для каждого очень личностный, это поэт, который гениально сочетает в своей лирике, о каких бы перипетиях внутреннего мира лирического героя он ни писал, интимность и онтологическую всеохватность.

Лирика поэта – непростой для целенаправленного научного анализа материал, и так происходит потому, что сами идеи, которые он раскрывает в своих стихотворениях, в определенной степени элитарны. Разумеется, есть Лермонтов, который кажется понятным любому, даже неискушенному читателю, но смыслы его поэзии в их единстве раскрываются далеко не сразу. Элитарность заключается вовсе не в его намерении быть выше читателя: напротив, всегда поэт пытается донести до каждого, кто прикасается к его поэзии, сложнейшие философские построения. При этом одним из бесспорных достоинств лермонтовской лирики является ее конкретность: для поэта становится самой ценной не отвлеченная мысль, а мысль как основание действия. И все же лермонтовская философичность во многом остается отвлеченной.

Цель статьи состоит в определении художественного своеобразия воплощения в лирической поэзии М. Ю. Лермонтова мотива противостояния гения и толпы, свойственного романтизму в целом, и обосновании трагического пафоса романтического мировосприятия поэта.

Гениальность, отношение к ней общества, понимание самим гением своей избранности – все это закономерно оказывается в центре внимания романтизма. Изучение этой проблематики находится в фокусе развития современной науки о литературе [Вайскопф, 2022; Иванов, Лакербай, 2023; Чавчанидзе, 2023]. Закономерно также, что русская лирика трактует гениальность с позиций создания в поэзии образа поэта-пророка [Обласова, 2022], что, разумеется, оказывает влияние и на восприятие гениальности и оппозиции *гений – толпа* М. Ю. Лермонтовым. Для лермонтоведения обозначенная проблемная сфера не нова, о чем свидетельствуют работы, заслуженно ставшие классическими: в 1891 г. П.А. Висковатый пишет о восприятии М. Ю. Лермонтовым обреченности на одиночество в воплощении собственного поэтического гения [Висковатый, 1989]; в XX в. ученые также обращаются к этой важной для лермонтовского романтизма проблематике [Эйхенбаум, 1924; Гинзбург, 1940; Вацуро, 1964; Асмус, 1968].

Материалом исследования выступают лирические стихотворения М. Ю. Лермонтова, созданные поэтом в юношеский (1828–1836) и зрелый (1837–1841) периоды его творчества. Методы исследования включают дедуктивно-индуктивный, методы наблюдения, сравнения и сопоставления, а также литературоведческого анализа и филологической интерпретации.

Исследование и его результаты

Осмысление черт гениальной природы, особой роли гения в истории человечества обретает свое центральное положение в философии романтизма в координатах размышлений романтиков о природе творчества. Притом что творчество не имеет в романтизме строгого определения, именно это понятие воспринято йенскими романтиками из главного для их эстетики теоретического источника – «Критики способности суждения» [Кант, 1994]. И. Кант рассуждает о творчестве как о такой деятельности, к которой не могут быть применены никакие правила [Кант, 1994, с. 180–194]. Йенские романтики распространяют кантовское понимание творчества не только на искусство, но и на жизнь человека, а само искусство абсолютизируют, понимая его как подлинную реальность, художник интерпретируется как субъект, реализовавший свой творческий потенциал, который у обычного человека пребывает в «свернутом» состоянии. В этом понимании художника романтики тоже следуют кантовской трактовке: И. Кант еще в 1764 году предлагает трактовать архетип Гения системно в процессе его победы во вселенной – от «устрашения» через «благородство» к «великолепию» [Кант, 1964].

В 1790–1800-е гг. актуальны концепции гения и гениальности, выдвинутые К. Зольгером и Ф. Шиллером. Для К. Зольгера гений являет собой «внутреннюю духовную силу» и «деятельную красоту» [Зольгер, 1978], архетип Гения-поэта обнаруживает многообразные связи с категорией красоты. Этот архетип становится определяющим и для Ф. Шиллера при формулировании принципов романтической эстетики [Шиллер, 1957]. Усилением влияния немецкого романтизма на развитие русской литературы определяется ориентированность В. А. Жуковского на идею Вакенродера о Поэте как о приобщенном к божественному, что обуславливает и особое понимание Возвышенного Религиозного у Жуковского [Рубцова, 1999]. Мироздание в этом ракурсе – «бездна» божественных чудес и губительного Рока, и только гению на его пути к «надзвездным далям» дана возможность постичь Бога: такое понимание гениальности отражается в разработке темы истины и ее поиска, сопровождаемой мотивом «священного восторга». Архетип Гения, рассматриваемый романтиками герметично, сопровождается развитием символики Свободы и Пламени, наследуемой от литературы «Бури и натиска» (нем. *Sturm und Drang*, также нем. *Geniezeit, Genieperiode* 'Эпоха гениев').

Вслед за И. Кантом романтики утверждают трагизм разрыва личности и окружающей действительности, что ставит в центр эстетики романтизма три основных принципа: романтический герой – интроверт, противопоставляющий свой внутренний мир внешнему и, соответственно, общему мнению; его внутреннее *я* ощущает такое нравственно-психологическое влияние высших инстанций, что герой чувствует себя их проводником; романтический герой – личность амбивалентная: он воплощает как погрязшие во внешнем мире права истины, добра и красоты, так и демонические стихии, которые опасны для всего окружающего мира.

Уже ранние поэтические опыты М. Ю. Лермонтова демонстрируют не только его особый интерес к гениальности, но и последовательную реализацию в поэзии тех аспектов понимания Гения, которые отчетливо связаны с традицией немецкого романтизма, а от нее – и с И. Кантом. Лермонтовская лирика юношеского периода автопсихологична, лирический герой по преимуществу автобиографичен, сосредоточен на саморефлексии. Нельзя не согласиться с утверждением, что ««монологист» Лермонтов реализует свой

огромный масштаб исключительно через романтического (по генезису) субъекта, его вселенские притязания и его демоническую катастрофу» [Иванов, Лакербай, 2023, с. 37]. Гений противопоставлен свету, толпе (как вариант, талант – ничтожеству), а в юношеской лирике Лермонтова эта оппозиция имеет в своей основе и контраст: *простое счастье – блеск столицы*, источником которого является сентиментализм с его культом природы. И, разумеется, для Лермонтова одним из определяющих развитие его лирики становится осмысление признаков гениальности, ее природы, при этом демоническое начало, зло обнаруживает тенденцию к тому, чтобы стать константой в характеристиках гения.

М. Ю. Лермонтов убежден в одиночестве лирического героя, при этом поэт, лирический герой (а в ранней лирике этот герой – сам поэт) и есть гений, тяготящийся своей избранностью; например, в стихотворении «1831-го июня 11 дня» (1831), поэтической декларации, обобщающей творческие поиски юношеского периода, представлен следующий фрагмент:

*...Никто не дорожит мной на земле.
И сам себе я в тягость, как другим <...>;
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.*

[Лермонтов, 1957, с. 175]

Надежда на то, что есть единственная душа, которая поймет гения, в ранней лирике сохраняется. Так, в стихотворении «О, полно извинять разврат!..» (1830–1831) выделим следующий фрагмент:

*Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою!*

[Лермонтов, 1957, с. 228]

В «Эпитафии» (1832) отметим следующий контекст: «*Ты в людях только зло изведаль... // Но понимаем был одним*» [Лермонтов, 1957, с. 269]. Однако наиболее частым и, разумеется, соответствующим романтической традиции остается во всей лирике Лермонтова утверждение о недоступности понимания окружающими самой природы гениальности и миссии гения. В цикле «Портреты» (1829) обнаруживаются следующие строки: «*Везде один, природы сын, // Не знал он друга меж людей*» [Лермонтов, 1957, с. 93]. Спустя десять лет, в стихотворении «На буйном пиршестве задумчив он сидел...» (1839), поэт подчеркивает ту же мысль: «*И в даль грядущую, закрытую пред нами, // Духовный взор его смотрел*» [Лермонтов, 1957, с. 35].

С. Н. Бройтман отмечает: «У Лермонтова диалог возникает между двумя мирами, ценностно-иерархически-несоизмеримыми и трансцендентными друг для друга» [Бройтман, 2014, с. 249]. Гений не встречает понимания у профанного адресата, поскольку тогда его «речи звучат как мертвые и холодные, лишены священного смысла» [Аксенова, Синегубова, 2023, с. 82], и только для немногих посвященных такие «речи» «живые, огненные (не случайно в другой версии – рожденные “из пламя и света”)». Такие живые слова перестают быть просто словами в привычном смысле, ведь в них звучит чувство и открывается истина» [Аксенова, Синегубова, 2023, с. 82]. Отсутствие понимания возникает здесь, в сущности, не вследствие противопоставления

гения и толпы (хотя и оно в лермонтовской лирике закономерно представлено), а от личной, в противоположность публичной, адресованности («Есть речи – значенье...» (1840)):

*Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово.*

[Лермонтов, 1957, с. 40]

Именно поэтому уже в ранней лирике М. Ю. Лермонтова, в «Монологе» (1829), звучит мотив бесполезности таланта:

*Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?*

[Лермонтов, 1957, с. 113]

В стихотворении «Унылый колокола звон...» (1830–1831) закономерно утверждение: «*Во мне возросший деятельный гений, // Но что его на свете сохранил...*» [Лермонтов, 1957, с. 245].

Для лирического героя остается неприемлемым счастье среди простых людей, на лоне природы («Элегия» (1830)): «*Но я далек от счастья их душой, // Я помню блеск обманчивой столицы*» [Лермонтов, 1957, с. 145].

Одним из вариантов оппозиции *гений – толпа* у Лермонтова становится его противопоставление свету, при этом оно усиливается в поэтической эволюции, а в стихотворении «Смерть поэта» (1837) отмечается кульминация развития этого контраста: «*Восстал он против мнений света // Один, как прежде... и убит!*» [Лермонтов, 1957, с. 7]. Свет и «толпа» мстят гению за его нежелание влачить существование во власти низменных страстей: «*И прежний сняв венок – они венец терновый, // Увитый лаврами, надели на него...*» [Лермонтов, 1957, с. 8]. Мученичество гения для Лермонтова очевидно, поэтому художественную доминанту восприятия творческой индивидуальности поэта образует библейская аллюзия к терновому венцу Христа. В этом стихотворении получает развитие контрастивное восприятие мира, свойственное и ранней лермонтовской лирике: оно насыщено оппозициями *мирные неги, дружба простодушная – свет завистливый и душный, свет – сердце вольное, пламенные страсти – слова и ласки ложные, черная кровь – праведная кровь* и пр. В другом стихотворении зрелого периода, «Я не хочу, чтоб свет узнал...» (1837), развитие получает все то же противопоставление гения свету: «*Укор невежд, укор людей // Души высокой не печалит*» [Лермонтов, 1957, с. 16]. Никогда суждения света не станут достойными внимания гения. Он должен исполнить свое предназначение, а его жизнь определяет богоизбранность и личный этический императив, никак не связанный с мнением большинства:

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, как я страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..*

[Лермонтов, 1957, с. 16]

Противостояние поэта (гения) и света – мотив, который представлен уже в ранней лермонтовской лирике («О, полно извинять разврат!..» (1830–1831)):

*Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.*

[Лермонтов, 1957, с. 227–228]

Тогда же формируется и мотив презрения к мнению света; в стихотворениях юношеского периода значим сарказм поэта, например в стихотворении «Ужасная судьба отца и сына...» (1831):

*Ты светом осужден? Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И столько же насмешливых клевет.*

[Лермонтов, 1957, с. 208]

Нельзя не упомянуть здесь и об обращении поэта к образу Наполеона, который интерпретирован как воплощение Гения именно с позиций романтической традиции, и здесь закономерны непонятность для толпы, света, подчиненность судьбе («Св. Елена» (1831); «Эпитафия Наполеона» (1830)):

*Он миру чужд был.
Всё в нем было тайной...*

[Лермонтов, 1957, с. 186]

*Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! Ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.*

[Лермонтов, 1957, с. 135]

В зрелой лирике образ Наполеона продолжает свое развитие в том же ключе, однако он дополнен у Лермонтова в соответствии с исторической правдой и мотивом мстительности профанной толпы недосягаемому гению («Последнее новоселье» (1841)):

*Среди последних битв, отчаянных усилий.
В испуге не поняв позора своего.
Как женщина, ему вы изменили
И, как рабы, вы предали его!*

[Лермонтов, 1957, с. 64]

Трагизм романтической личности заключается в его страстном стремлении к добру, однако такой герой знает, что победа добра над злом вовсе не является обязательной, потому что ни объективные законы внешнего мира, ни внутренний мир личности не включают никаких этических гарантий. Прагматический потенциал зла более широк: оно располагает более разнообразными приемами для достижения превосходства над добром, а в сфере человеческой субъективности у добра менее выигрышные позиции, потому что оно кажется более скучным, а значит, и менее привлекательным в плане эстетического воздействия. Поэтому трагический романтик чувствует привлекательность зла, его соблазн, трактуя преимущества зла с психологических позиций.

М. Ю. Лермонтов уже в ранней лирике обращается к мотиву и образности зла и его связи с гением в парадигме презрения гениальной личности к этическим нормам общества («Не говори: одним высоким...» (1830)): «*Сверши с успехом дело злое – // Велик; не удалось – злодей...*» [Лермонтов, 1957, с. 120]. Нельзя сказать, что Лермонтов оправдывает зло, но все же оно является одним из признаков гениальности, пусть и не конститутивным, как, например, в стихотворении «Из Андрея Шенье» (1830–1831): «*В душе, клянуся небесами, // Я не злодей, о нет, судьба губитель мой <...> // <...> Я много сделал зла, но больше перенес*» [Лермонтов, 1957, с. 248].

Романтизм рассматривает гения именно как страждущего, причем necessarily из-за физических увечий – гораздо предпочтительнее в изображении романтиков терзания муками совести, творчества, озарения, одиночества, отверженности и пр. Романтический гений одержим творчеством, собственной значимостью для будущего всего человечества, вследствие чего монологичность становится одной из его значимых примет. При этом гениальность в таком герое таинственна по своей природе, а облик романтического гения должен нести на себе отпечаток неведомого. Кроме того, он всегда бунтарь, борющийся с консерватизмом среды, традицией, способен на чудо (то, на что не способен обычный человек) – прежде всего, романтический гений обладает способностями демиурга, а значит, это фигура, равнозначная Богу.

Для М. Ю. Лермонтова все эти характеристики гения остаются значимыми, они занимают одно из ведущих мест именно в его ранней лирике, например в стихотворении «К П<етерс>ну» (1829):

*Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, –
Везде утечи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать.
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут усладить
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..*

[Лермонтов, 1957, с. 88]

Мотив конфликта гения и толпы, неприятия гениальности обычными людьми, противостояния профанного и сакрального претерпевает в лирике Лермонтова значительное развитие, итогом чего становится последнее стихотворение М. Ю. Лермонтова «Пророк» (1841). Созданное незадолго до гибели поэта, оно представляет собой поэтический отклик на стихотворение А. С. Пушкина «Пророк» (1826) и логически продолжает его. Т. В. Обласова отмечает: «Сюжет этот – драматичный в своей основе путь утраты поэтом его миссии, последовательного отъединения от Творца, людей и искусства как смысла и цели его высокого служения» [Обласова, 2022, с. 264]. Аллюзии к пушкинскому стихотворению у Лермонтова воплощены в заглавии, христианских образах и мотивах, употреблении церковнославянской лексики. Подробное описание преображения пророка и переживания им этого нового состояния отсутствует у Лермонтова по причине прямых отсылок к стихотворению А. С. Пушкина, что, в свою очередь, позволяет сделать центром лирического сюжета отношения пророка и «толпы».

В стихотворении «Пророк» реализована все та же романтическая оппозиция *гений – толпа*: Лермонтов настаивает на том, что истина поэта и правда

«толпы» взаимоисключающи. Пророк в поэтической трактовке представлен как праведник, свято соблюдающий данный Господом завет («*Завет предвечного храня...*») и призванный Богом нести людям истину. «Толпа» не воспринимает пророка как носителя божественной мудрости: «*Глупец, хотел уверить нас, // Что Бог гласит его устами!*». И на земле торжествуют злоба, порок, страсти, а не «любви и правды чистые ученья»: они составляют противоположность учению пророка. Однако не только в неприятии пророка «толпой» следует искать причины неудачи его проповеди. И сам пророк не способен найти верные слова для того, чтобы донести истину до профанного сознания. Приютом истины становится «пустыня», в которой органичны отказ от богатства, брэнного земного бытия и сосредоточенность на жизни духа.

Тема смиренного отношения пророка к своему трудному пути имеет своим источником Книгу пророка Иеремии в Ветхом Завете. Иеремия в течение полувека призывал еврейский народ к покаянию и нравственному исправлению, что обернулось для него тяжкими испытаниями: его заключили в темницу, угрожали убийством. Это нежелание слушать и слышать пророка оборачивается для иудейского народа общенациональными бедствиями – разрушением Иерусалима и утратой свободы. Иеремия в своих испытаниях начинает сомневаться в Боге, но преодолевает свою слабость и принимает мученический венец пророка. Лермонтовский пророк не имеет такой воли, как его прототип, он не может убедить «толпу» в необходимости принять божественную истину, и поэтому он уходит в «пустыню», становится отшельником. Развитие лирического сюжета противонаправлено пушкинскому: у Лермонтова пророк отрекается от общества, потеряв веру в разум человека, и посыпает голову пеплом в знак этой невозвратимой потери; «отход от миссии (надо заметить, что, с точки зрения Книги пророка Исаии, миссия в принципе выполнена – он пришел и сказал людям о Боге) и побег лермонтовского Пророка в пустыню, но не безгласную, не мрачную, а внемлющую и приемлющую его, в соотношении с библейским сюжетом вполне закономерен и оправдан» [Обласова, 2022, с. 268–269]. Земля («тварь покорна там земная») и небо («и звезды слушают») в близкой божественному началу пустыне, далекой от мирской суеты, удостоверяют истинность дара пророка. Но миру людей лирический герой противопоставлен, а конфликт *гений – толпа* неразрешим. Именно такая концепция гениальности становится финалом творческой эволюции М. Ю. Лермонтова – поэта-философа и поэта-трибуна, наиболее полно и глубоко воплотившего в своем творчестве эстетические принципы романтизма.

Заключение

Трагичность романтической личности осмысливается М. Ю. Лермонтовым в оппозиции *гений – толпа*, которая получает реализацию в различных мотивах и их комплексах – таковы мотивы одиночества, странничества, памяти (забвения, обмана, мщения, покоя). Различная структурно-смысловая значимость этих мотивов в лермонтовской лирике определяется их корреляциями с другими – богоборческими и религиозными (в частности, ветхозаветными), на более глубинном уровне – с образами земли и неба, мотивами сна, игры, пути. Так или иначе вечные темы, получающие новое развитие у М. Ю. Лермонтова, соотношены с пониманием поэтом гениальности. Лермонтовский лирический герой – гений, трагический романтик, по-новому актуализирующий в поэтическом мире онтологические темы любви и ненависти, жизни и смерти, времени и вечности, счастья и страдания. Сотворение собственного идеального мира, мира духовной свободы, является для поэта-

романтика основным способом самоактуализации романтической личности, и в этом процессе не последнюю роль играет понимание и осознание проблематики гения и гениальности.

Лирическая поэзия характеризуется устойчивым мотивно-тематическим комплексом, который обусловлен родовой спецификой, поэтому художественная образность лирики развивается в координатах универсальных смыслов, имеющих тем не менее национальные особенности: таковы, например, *жизнь, смерть, Бог, вечность, вера, любовь, надежда, слово* и пр. В лермонтовской лирике совокупность этих универсальных смыслов всегда связана с пониманием поэтом гениальности, а гений для Лермонтова – это демиург, способный к сотворению собственного мира. Поэтому в центр его индивидуальной творческой мифологии поставлен человек беспокойный, ищущий. Мир лирического героя существует в гармоничных отношениях со стихиями параллельно миру внешнему. Именно гениальность, творческий потенциал гения создает этот мир, противостоя Богу как демиургу мира внешнего.

С позиций концепции личности в рамках романтизма невозможен диалог лирического героя с Другим, и все эстетические идеи сопряжены понятийно с такими неудачными контактами, обусловлены не(до)пониманием. Мотив противопоставления гения толпе, свету закономерно соотносим у Лермонтова с романтической концепцией личности. При этом лермонтовская картина мира в целом – это воплощение антиномичности, что обуславливает и противоречивость отношений общего и конкретного. Поэт утверждает бесспорность и универсальность конфликта беспредельного и конечного, всеобщего и уникального.

М. Ю. Лермонтов не мыслит единичность жизни человека вне вечности, поэтому и стихии, общие и частные, предстают как единицы мироздания, пластичные и одухотворенные. Автор определяет в своей лирике меру полноценности человеческой жизни: это возможность прикосновения к космосу, вечности, беспредельности хаоса. Лирический герой стремится к обретению такого контакта. Осмысление гениальности сфокусировано не столько на гении в конкретном социальном окружении, хотя противопоставлению его и света уделено большое внимание, сколько на космическом значении существования гения как силы, преобразующей универсум.

Лирика М. Ю. Лермонтова опирается на реализацию возможностей психологического анализа, который, в свою очередь, во главу угла ставит волю. Поэт обнаруживает скрытые пласты внутреннего мира, пытаясь выявить и мотивацию, причины поступков и душевных состояний его лирического героя – Гения, личность которого амбивалентна, она так или иначе обнаруживает структурные компоненты – сознание, самосознание, подсознание, бессознательное, что маркирует в лирической поэзии М. Ю. Лермонтова его аналитический психологизм [Кузнецова, 2003]. Сущность человеческого мышления проявляется в его поэзии с помощью постоянного внутреннего диалога с Другим.

Психологизм лермонтовской лирики осуществляется, прежде всего, как прямое отображение психических процессов посредством возможностей поэтического слова. М. Ю. Лермонтов создает в своей лирике доступный чувствам внешний мир, невидимый внешний мир и внутренний мир героя. Поэт концентрируется именно на тех из них, которые только гений может наиболее глубоко воспринять ввиду своего равенства с Богом, создателем всего сущего, – разумеется, на внутреннем и на невидимом внешнем мире, пространство и время которого неопределенны. Именно с космосом, вселенной, мирозданием наиболее ощутимы связи лермонтовской лирики. Однако трансцендентные

сущности составляют и центр исканий гения в его внутреннем мире, именно поэтому он никогда не будет понят толпой, светом, он всегда будет одинок.

Список источников

Аксенова А. А., Синегубова К. В. «Есть речи – значенье...» М. Ю. Лермонтова: вариации как форма лирического цикла // Новый филол. вестн. 2023. № 2 (65). С. 77–87. DOI: 10.54770/20729316-2023-2-77.

Асмус В. Круг идей Лермонтова // Вопросы теории и истории эстетики. М.: Искусство, 1968. С. 359–412.

Бройтман С. Н. «На звук твой ответчу». Субъектно-образная ситуация в лирике Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей : антология. СПб.: РХГА, 2014. С. 235–249.

Вайскопф М. Агония и возрождение романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 600 с.

Вацуро В. Ранняя лирика Лермонтова и поэтическая традиция 20-х годов // Русская литература. 1964. № 3. С. 46–56.

Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Книга, 1989. 454 с.

Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л.: Гослитиздат, 1940. 224 с.

Зольгер К.-В.-Ф. Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. М.: Искусство, 1978. 432 с.

Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. «Проекционное поле синтетической языковой личности» как категория (жизне)творческого пути художника слова // Новый филол. вестн. 2023. № 2 (65). С. 30–42. DOI: 10.54770/20729316-2023-2-30.

Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.

Кант И. Наблюдение над чувством прекрасного и возвышенного, 1764 // Соч. : в 6 т. М.: Гослитиздат, 1964. Т. 2. С. 125–183.

Кузнецова А. В. Лирический универсум М. Ю. Лермонтова: семантика и поэтика. Ростов н/Д: Лингв. ин-т, Ростовский гос. пед. ун-т, 2003. 211 с.

Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1 : Стихотворения. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. 426 с.

Обласова Т. В. «Самодостраивающийся сверхсюжет» о поэте-пророке в русской поэзии XIX – XX вв. // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2022. № 79. С. 262–273. DOI: 10.17223/19986645/79/13.

Рубцова Н. В. Тема искусства и личность художника в трактовке Дж. Вазари и В.-Г. Вакенродера // Романтизм: грани и судьбы. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1999. Вып. 3. С. 122–127.

Чавчанидзе Д. Л. Филистер в немецкой литературе: Гёте и романтики // Вестн. Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2023. № 1. С. 142–149. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-142-149.

Шиллер Ф. О возвышенном // Собр. соч. : в 7 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 6. С. 488–504.

Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. М.: Гос. изд-во, 1924. 166 с.

References

Aksenova A.A., Sinigubova K.V. (2023). "There are speeches - meaning..." of M.Yu. Lermontov: variations as a form of a lyrical cycle. *New Philological Bulletin*, no. 2 (65), pp. 77-87. DOI: 10.54770/20729316-2023-2-77. (In Russian).

Asmus V. (1968). Lermontov's circle of ideas. *Questions of theory and history of aesthetics*. Moscow, Art, pp. 359-412. (In Russian).

Broitman S.N. (2014). "I will answer your sound." Subjective-figurative situation in Lermontov's lyrics. *M.Yu. Lermontov: pro et contra: personality and ideological and artistic heritage of M.Yu. Lermontov in the assessments of domestic and foreign researchers and*

thinkers: an anthology. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy, pp. 235-249. (In Russian).

Chavchanidze D.L. (2023). Philistine in German literature: Goethe and the Romantics. *Lomonosov Philology Journal*, no. 1, pp. 142-149. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-142-149. (In Russian).

Eikhenbaum B.M. (1924). *Lermontov. Experience in historical and literary evaluation*. Moscow, State Publ. House, 166 p. (In Russian).

Ginzburg L.Ya. (1940). *Lermontov's creative path*. Leningrad, State Publ. House, 224 p. (In Russian).

Ivanov D.I., Lakerbay D.L. (2023). "The projection field of a synthetic linguistic personality" as a category of the (life) creative path of the artist of the word. *New Philological Bulletin*, no. 2 (65), pp. 30-42. DOI: 10.54770/20729316-2023-2-30. (In Russian).

Kant I. (1994). *Critique of the ability to judge*. Moscow, Art, 367 p. (In Russian).

Kant I. (1964). Observation of the feeling of the Beautiful and Sublime, 1764. *Works*: in 6 vols. Moscow, State Publ. House, vol. 2, pp. 125-183. (In Russian).

Kuznetsova A.V. (2003). *The lyrical universum of M. Yu. Lermontov: semantics and poetics*. Rostov-on-Don, Linguistic Institute, Rostov State Pedagogical University, 211 p. (In Russian).

Lermontov M.Yu. (1957). *Col. Works: in 4 vols. Vol. 1: Poems*. Moscow, State Publishing House of Art Literature, 426 p. (In Russian).

Oblasova T.V. (2022). "Self-constructing superplot" about the poet-prophet in Russian poetry of the 19th-20th centuries. *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 79, pp. 262-273. DOI: 10.17223/19986645/79/13. (In Russian).

Rubtsova N.V. (1999). The theme of art and the personality of the artist in the interpretation of G. Vasari and V.-G. Wackenroder. *Romanticism: facets and destinies*. Tver, Tver University, iss. 3, pp. 122-127. (In Russian).

Schiller F. (1957). On the Sublime. Schiller F. *Col. works*: in 7 vols. Moscow, State Publ. House, vol. 6, pp. 488-504. (In Russian).

Solger K.-V.-F. (1978). *Erwin. Four dialogues about beauty and art*. Moscow, Art, 432 p. (In Russian).

Vatsuro V. (1964). Lermontov's early lyrics and the poetic tradition of the 20s. *Russian Literature*, no. 3, pp. 46-56. (In Russian).

Viskovaty P.A. (1989). *M. Yu. Lermontov. Life and creation*. Moscow, Book, 454 p. (In Russian).

Weiskopf M. (2022). *Agony and the revival of romanticism*. Moscow, New Literary Review, 600 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузнецова Анна Владимировна – докт. филол. наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, avkuznetsova@sfedu.ru

Information about the Author

Anna V. Kuznetsova – Ph.D. in Philology, professor, professor of the Department of Domestic and Foreign Literature, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, avkuznetsova@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.